

Владимир ИЛЮШИН ● ПИСЬМО

РАССКАЗ

Дед Макар идет по улице, загребая пыль носком драной сандалеты. Солнце печет нещадно. Дед вытирает едкий пот, сморщив печеное морщинистое лицо с обвисшими усами. Вместо правой ноги у него култышка, туго охваченная ремнями протеза. Сандалета хлопает, поднимая серое зыбкое облачко в такт неспешному стариковскому шагу, а протез стучит твердо, будто печать ставит. На плече — потертая сумка с корреспонденцией. Пришлось деду срочно подменить племяша Ваську — деревенского почтальона: его увезли вчера с аппендицитом в Тамбовку.

Подтянув за штанину протез, Макар, охнув, шагнул в канаву, ловко зацепив бровку левой ногой, перешагнул и заковылял по травке к пятистенке за пыльными кустами сирени. Петух проорал полдень. Дед цепко ухватился за штакетник и, сдвинув на затылок шляпу, громко сказал:

— Эй, Анна, выйди что ль...

На окне ворохнулась занавеска. В сенцах загремело. Вышла Анна, продавщица сельпо, — простоволосая, полная. Прищуриив заспанные глаза, пробежала пальцами по пуговицам.

— Эк тебя рассусолило, — довольно чмокнул дед. — И куда это мужики смотрют, кхе...

— Где они, мужики-то? — равнодушно ответила Анна. — Чего пришел?

Зажав в зубах шпильки, она привычно скрутила волосы в тугой узел.

— Да письмо вот. Тебе, что ль? — Дед нашарил в сумке конверт.

Анна взяла письмо, зашептала губами:

— «Александровка. Одинцовой А. П....» А влицы не написано, чего бы?

— Да тебе, — махнул рукой дед, — кому ж?

— А может, из новых кому, из переселенцев? От Федьки вчера пришло, а больше вроде некому...

— Не от Федьки, нет, — согласился дед. За тридцать лет работы на почте он досконально изучил почерки родственников всех своих односельчан.

Анна разорвала конверт, с любопытством пробежала письмо глазами и вдруг прыснула, зажав рот ладошкой:

— Ой, а не мне ведь письмо-то...

— Как так? — у деда изумленно прыгнули усы.

— Да девке пишут тут, а я женщина солидная, вдовая.

Дед выхватил письмо, подслеповато поморгал.

— Очков-то нет, — забормотал он, — забыл очки. А ну читай, да вслух, — я, как ответственное лицо, должен слушать.

— «Здравствуй, Анна, — начала женщина. — Хочу уведомить тебя в том, что я долго думал и пришел к выводу, что ты не пара мне. Мне горько и сердце рвется, но ты должна понять, что моя работа не оставляет места для личной жизни. Пойми меня, Анна, и не считай подлецом. Искусство требует огромных затрат и жертв. Если у тебя мальчик родится, назови Арнольдом, — это мой тебе дружеский совет. Я о нем, безусловно, позабочусь. Не надо формальностей, Анна, они разрушают душу. С дружеским приветом, Виктор.

Р. S. Помню гулкие коридоры общежития, наши соловьиные ночи. Помню, как играл тебе в клубе на баяне, а мастер ваш, ПМК-овский, чуть меня за любовь не побил. И ты помни».

Женщина прикусила губу. Дед суетливо мямля шляпу.

— Непорядок, ой непорядок. Щас не война, чтоб людям черного ворона носить... Ах же кот мартовский, в кусты, значит! Девку жалко...

— Чего ж делать-то? — тихо спросила она.

— Чего, чего! — заорал дед. — В общежитие письмо

нести надо. А как понесешь? Да и открытое оно. Подсудное ж дело, а ты думала...

Он постоял, побряхтел, потом решительно сказал:

— А ну в хату пойдём.

В хате было прохладно, горьковато пахло коноплей. Дед попросил квасу и долго пил, отдуваясь сквозь усы.

— Ну вот так, — сказал он, напившись, — такое письмо нести нельзя, а не нести права не имею...

— Да чего голову-то морочить? Запечатай ты его и неси!

— Не, не пойдёт. Свое будем писать! — Дед трахнул кулаком по столу. — Ты и напишешь.

— А под суд?

— Не телилась корова, чтоб телка́ доить. Неси бумагу, перо, да живей, некогда мне.

Женщина, порывшись в столе, достала бумагу, ручку, села, повернулась к деду.

— Чего писать-то?

Дед заерзал.

— Тебе мужики сроду не писали?

— Так то другое, — улыбнулась Анна.

— Ничо, придумаешь. Пиши давай, да чтоб я слышал.

Анна наклонилась над столом и стала писать, произнося написанное вслух:

— «Здравствуй, дорогая Анята. Пишу тебе с великой любовью, и если б мог, сгреб бы с неба все звезды и высыпал тебе в подол...»

— Это Федька тебе такое писал? — прищурился дед.

— В книжке прочитала, — сказала женщина, покраснев. — «...Приехать к тебе не могу, так как в самое ближайшее время уезжаю...»

— Подальше, — подсказал дед, — чтоб ни слуху, ни духу.

— «...с экспедицией на дрейфующую станцию Северный Полюс...»

— Вот! На льдину стервеца! К белым медведям, пусть почешется.

— «...вернусь через год...»

— Мало!

— «...через год-два, и мы с тобой оформимся по-людски. Говорят, ты на сносях. Так что рожай мужика. Мужик хоть много ест, да и толку с него больше. А назови его...» Арнольда, что ли, писать?

— Пиши Ивана, — твердо сказал дед.

— «...Иваном. Ты, Анюта, наберись терпения и жди, людей много хороших, помогут. А со мной всякое может приключиться. Утонуть могу, заблудиться в снегах, с голоду помереть...»

— Или холера в бок вскочит, — вставил дед.

— «...но ты не волнуйся за меня, рано или поздно вернусь. С приветом, Виктор».

— Ну и ладно. — Дед достал чистый конверт с маркой, помял его чуток и запечатал письмо. — Пиши давай адрес — «Общежитие ПМК».

— А рука-то чужая, — забеспокоилась женщина, — догадается.

— А-а-а! — махнул дед. — Такой часто писать не станет, откуда ей руку знать? Ну, теперь печать ставь, сельповскую, да неразборчиво ставь, дуреха!

Он сунул конверт за пазуху, встал, стукнув протезом.

Женщина провела ладонью по волосам, сказала:

— И чего это мы? Каждую стрикалистку ублажать — конвертов не хватит...

Дед, прихрамывая, пошел к двери. Подобрал сумку, серьезно сказал:

— Стоит, Анна! Если за каждого Ивана по конверту — это дешево. Ох как дешево, скажу я тебе.

Женщина улыбнулась и махнула рукой.

Солнце пекло нещадно. Дед, вытирая пот, шагал по деревенской длинной улице.